

Авторские права и нравы

Новый драматический театр
не нашел общего языка с Людмилой Петрушевской

Всем известно, что репертуар российских драматических театров на три четверти состоит из классических произведений, то есть из пьес авторов, давно отошедших в лучший мир, уже не способных качать права, в том числе и авторские. Правда, и в данной ситуации порой приходится вступать в определенные отношения с наследниками и прочими правопреемниками, но не об этом сейчас речь. Речь — об авторах, по счастью, живых, которые за собственные права держатся куда как крепко. Не без основания, поскольку все мы пытаемся убедить себя в том, что движемся в сторону цивилизованного общества. Оно же вышеупомянутые права обязано защищать — как гражданские, так и авторские. Бывает, успешно, но случаются и казусы, как в случае с Новым драматическим театром.

1 октября театр должен был открыть новый сезон премьерным спектаклем по пьесе Людмилы Петрушевской "Три девушки в голубом" в постановке художественного руководителя театра Вячеслава Долгачева. Увы, зрительским ожиданиям обиться не суждено. 22 сентября решением руководства театра практически готовый спектакль был закрыт. Что же произошло?

С известным российским драматургом Людмилой Петрушевской у

Нового драматического театра контакты давние, хотя и не столь частые. 20 лет назад в репертуаре театра появился спектакль "Песни XX века" в постановке Владимира Рудого, который был достаточно высоко оценен автором и шел в течение нескольких сезонов.

Спустя годы нынешний худрук театра Вячеслав Долгачев замыслил обратиться к пьесе Петрушевской "Три девушки в голубом", давно опубликованной и хорошо известной в российском театре, хотя бы на примере спектакля Марка Захарова в Ленком. Еще в мае 2004 года, по словам Долгачева, состоялся телефонный разговор режиссера и драматурга, в котором обсуждалась возможность новой постановки пьесы. При этом Людмилу Стефановну ознакомили с кандидатурами ряда артистов. Никаких принципиальных возражений и особых условий высказано не было. Работа началась.

Не стоит полагать, что она велась без соответствующих документов. С современными авторами Новый драматический театр работает на основании Лицензионного соглашения № 345 ТТ от 1 марта 1995 года "О публичном исполнении обнародованных произведений (для театров)", коим пользуются все сценические коллективы, когда речь идет о постановке

уже опубликованных пьес. В данном случае Российское авторское общество (РАО) выступает в качестве посредника между автором и театром, и личные контакты между последними не являются обязательными.

11 мая 2005 года между Новым драматическим театром и РАО было заключено еще одно, так называемое "малое" Лицензионное соглашение № 3685 "О публичном исполнении на территории Российской Федерации обнародованного произведения, составляющего спектакль "Три девушки в голубом", по пьесе Л.С.Петрушевской", условия которого, надо полагать, были согласованы РАО непосредственно с автором. Согласно этому документу, театр получил официальное разрешение на постановку вышеупомянутой пьесы. Были оговорены и финансовые условия: театр обязался выплачивать Петрушевской авторское вознаграждение в размере 10 процентов от сумм валового сбора, поступивших от продажи билетов. Театр принял этот пункт соглашения без обсуждения, учитывая статус драматурга. В соглашении отмечено, что театр обязуется известить автора о генеральной репетиции и премьере, а также бесплатно предоставить рекламные материалы.

(Окончание на 4-й стр.)

Авторские права и нравы

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Особо стоит подчеркнуть, что строки п.8 "Особые условия" в данном соглашении остались девственно чистыми, то есть на тот момент никаких дополнительных требований автор пьесы не выдвигал.

Между тем работа над спектаклем шла свои чередом и согласно финансированию: изготавливались декорации, шились костюмы, выплачивались гонорары, репетировали актеры. 19 сентября, почти за две недели до премьеры, завлит театра Евгений Вихрев позвонил Людмиле Петрушевской, чтобы проинформировать ее о премьере спектакля, намеченной на 1 октября, и пригласил на генеральную репетицию. В ответ же, по словам Вихрева, получил бурю негодования по поводу того, что театр не заключил договор лично с автором (как уже говорилось, в случае с опубликованной пьесой конкретное соглашение обычно заключается с РАО, учитывающим все условия автора, и оно существует). В конце разговора было наконец-то выдвинуто "особое условие": спектакль может выйти к зрителю, если в состав исполнителей будет включен артист Александр Шелудько, который обязан играть премьеру. Шелудько изначально не был занят в спектакле. Такой вот ультиматум.

21 сентября Новый драматический театр получает письмо от РАО, в котором это условие документально зафиксировано. Плюс добавлено еще одно: выплата единовременной суммы за право постановки, эквивалентной 1000 долларов США. Что касается последнего пункта, заметим, тоже не оговоренного заранее, то театр был готов ответить положительно и изыскать дополнительные средства. Но вот вмешательство автора в режиссерский творческий процесс Долгачев счел "неприемлемым, ущемляющим права постановщика на собственное видение спектакля". В письме Нового драматического театра в РАО от 22 сентября говорится: "Ввиду невозможности выполнить авторское требование, изложенное в п.2 (речь идет об актере Шелудько. — И.А.), руководство театра приняло решение о прекращении репетиций пьесы "Три девушки в голубом" и закрытии спектакля".

Мы спросили у Вячеслава Долгачева, возможен ли был иной, более гибкий выход из кризисной ситуации.

— Я считаю, в данном случае выбора быть не может. Думаю, что никто не вправе вмешиваться во внутреннюю творческую лабораторию театра. Автором спектакля является режиссер. Распределение ролей — это его видение материала. Подобный диктат мне кажется неправомерным и даже отчасти диким. Я работал с большим числом "живых" авторов: Володиным, Зориным, Радзинским, Гельманом, Разумовской, Угаровым и даже Бергманом. И никому из них не приходило в голову заниматься распределением ролей.

Меня это удивило еще и потому, что Людмила Стефановна, в свое время гонимая партократией и так тяжело добивавшаяся собственной творческой свободы, сегодня сама наступает на права.

К моему решению закрыть спектакль коллектив театра,

включая постановочную группу, отнесся с пониманием.

— По-вашему, Людмила Петрушевская была не вправе выдвигать подобное условие?

— Я считаю, диктовать какие-либо требования относительно исполнителей автор не имеет права. Театр — это уже другая сфера деятельности. Хотя когда-то и самой Петрушевской диктовали, как писать пьесы. Она этому противостояла и вышла победительницей.

— Почему же вы в свою очередь не стали противостоять?

— Вышло бы себе дороже. Автор может закрыть готовый спектакль в любой момент, подать в суд на театр за искажение смысла его пьесы, неверную трактовку характеров, да на что угодно.

Здесь есть другая проблема, очень существенная и актуальная. Мне кажется, наша история выносит на поверхность давно уже наболевший вопрос об авторских правах режиссеров. Все ими обладают — драматурги, композиторы, хореографы. Кроме режиссера, который, как видно из этой ситуации, не свободен даже в распределении ролей. А ведь актеры — это мои краски, которыми я пишу свое полотно, так же как автор пишет свое — словами.

Такой вот абсурдный финал многомесячной творческой работы театра. Причем замечать, что речь не идет о достоинствах или недостатках актера Шелудько, а о необходимости его присутствия в этом спектакле. Этот вопрос все-таки находится в компетенции режиссера. К тому же Людмила Стефановна так и не посетила ни

одного из прогонов спектакля, а потому и не может высказаться по существу происходящего на сцене.

Но помимо юридической обоснованности претензий и условий драматурга, есть еще и вопрос этический. Добро бы, некие пожелания по поводу выбора актеров Петрушевская высказала заранее, до начала работы. Но за неделю до премьеры — это уже слишком. Да и по каким бы причинам режиссер взял бы да и отодвинул из готового спектакля другого актера, заменив его на Шелудько?

За историческими примерами далеко ходить не надо. Тот же Чехов уж как бывал недоволен мхатовскими актерами: и Маша не так рыдает, и Тузенбах не так ходит. При этом он, конечно, присутствовал почти на всех репетициях и был внутри процесса. Но Станиславский практически всегда оставался при своем мнении. Да, бывает, что драматург пишет пьесу в расчете на конкретного актера и заранее это оговаривает. Да, порой драматургическое произведение создается в недрах театра и изначально рассчитано на определенных исполнителей. А случается еще, спонсор приносит денежки и говорит: спектакль состоится, если главную роль исполнит моя жена-дочь-подруга. Но согласитесь, к конкретной ситуации все это отношения не имеет.

Так что пока еще "бесправным" режиссерам можно только посоветовать ставить Шекспира, Мольера или Гюголя. Они, быть может, в гроб-то и вернутся после спектаклей, скажем, Нины Чусовой, но изменить ничего не могут.

Ирина АЛПАТОВА

КОММЕНТАРИИ

Наталья ЛЕНЕВА, начальник отдела лицензирования РАО:

— В данном случае надо исходить из Закона "Об авторском праве и смежных правах", где в статье 16 говорится, что автору принадлежит исключительное право на выдачу разрешений использовать его произведения. Из этого следует, что условия использования определяются исключительно автором. В данном случае Людмила Петрушевская определила одним из условий утверждение на роль артиста Александра Шелудько. Эта ситуация для Российского авторского общества не нова: автор выдвигает соответствующие условия, а театр может либо принять их, либо отказать. Другое дело, что сначала согласовывались финансовые условия постановки и театр их принял, а в дальнейшем руководство театра проинформировало о том, что им будет разрешена постановка только в том случае, если на роль назначат определенного актера. В итоге театр нам сообщил, что спектакль будет закрыт. И это право руководства театра. Режиссер, опять же если исходить из закона, обладает смежными правами, то есть правами исполнителя. А права исполнителя всегда зависят от обладателя авторских прав. Иными словами, если обладатель авторских прав не дал своего окончательного разрешения на использование его произведения независимо от количества и характера поставленных условий, то исполнитель не может использовать пьесу. В данном случае закон точно соблюден. Может быть, в этой ситуации есть не совсем красивый этический момент, но таковы права автора. На мой взгляд, это своего рода ответная реакция авторов, потому что режиссеры слишком много себе иногда позволяют в трактовке произведений, внося в них изменения. Автор создает пьесу как произведение для театра, а режиссер ее потом перерабатывает, зачастую считая, что это он является подлинным автором. На самом деле режиссер в данном случае — исполнитель, он использует готовое произведение, а условия использования определяет автор.

Михаил РОДИОНОВ, специалист юридической компании "Усков и партнеры":

— К сожалению, подобные ситуации как следует не урегулированы законом. Я полагаю, что в данном случае автор пьесы ограничивает свободу творчества, которая проистекает из практики театрального искусства, поскольку актеры выбирают все-таки не авторы пьесы, а режиссеры. По закону автор может разрешать или не разрешать постановку пьесы, он может защищать ее от искажений, когда, скажем, исчезает половина диалогов, а действие происходит не в кафе, а в туалете. В этом случае автор может даже запретить постановку. Но для того чтобы назначить своего актера на роль, драматург должен изначально четко оговорить это условие в договоре. Если такой пункт, как участие определенного актера, специально в договоре не указан, думаю, претензии автора пьесы не совсем обоснованны.